

В темноту

Темнота противопоставляет скрытое от глаз, неразличимое – очевидной пустоте. Дымка скрывает нечто, о чем можно только догадываться.

Можно ли считать шаг в темноту добровольным личным, политическим, гражданским выбором?

Темнота услужливо открывает перед вами двери, она готова принять вас в себя и кажется, что тут тесниться не придётся, потому что места хватит для всех. Границы определяются лишь наощупь, они могут оказаться мнимыми.

Если шаг уже совершен, сожалеть поздно, ведь темнота не предполагает освещённой тропы, ведущей назад или к выходу. Совершивший этот шаг сознательно, готов сойти за таящегося преступника, ведь его теперь невозможно увидеть. Длительное пребывание в темноте, таким образом, всегда бросает тень на тех, кто вольно или невольно остаётся в ней. Тут не только очертания в лучшем случае размыты, – ясность и смысл здесь могут существовать лишь в виде следа или приметы.

Эта выставка собрала ряд жестов, действий, акций, которые отрицают или рассредотачивают своё сообщение. Многие из них совершались в абсолютном одиночестве, но не ради того, чтобы ни с кем не делить ответственность за высказывание. Скорее, наоборот, представленные тут одинокие жесты готовы сделать соучастниками всех непричастных.

Политическому содержанию позволили непредсказуемо мигрировать из привычного социального пространства в чуждую ему среду. Оно совершает ненужное, абсурдное путешествие, пропадает из виду, или, как в акции Петра Армянковского «Сколько можно кричать», истощается. Петр Армянковский кричит, его голос постепенно обособляется от него. Крик возникает – вроде бы – из украинского протестного движения – но он же и расправляется с ним, потому что желание не становится словом, требованием или мыслью. В первородно чистом виде оно существует так, что его невозможно куда-либо интегрировать, хоть как-то уговорить или переубедить.

Политика кажется потерянным объектом (любви?), её никак не могут найти. С ней сталкиваются случайно, без предварительного замысла, её словно не узнают. Политика движется по социальному телу непредсказуемо, в непроглядной тьме, подобно душе в представлении 18-го века. В эпоху Дидро существовала идея о перемещении души внутри тела, где бытие души отслеживалось иногда в пальцах, в ногах, в других органах, она трактовалась материалистически и была обречена на гибель вместе с телом, но никогда не выражала волю тела в целом.

Протест почти во всех представленных тут акциях распадается, из него хирургически изымаются необходимые для жизнедеятельности смыслы. Вызов заключается не в том, чтобы допустить отсутствие смысла. Испытание – позволить себе продолжать путь там, где смысл кажется утраченным или обреченным быть невидимым. Работа Лады Наконечной, акции Тетяныча подвергают испытанию ощущение утраты, где бессмысленность является заранее обреченной попыткой восстановить связь с социумом.

Безумие, глупость, наивность, прочие соотносимые с темнотой состояния и свойства, да еще и чувство утраты заставляют нас восстанавливать и реинтегрировать Нечто, не рассчитывая на грядущую целостность.

Движение от тьмы к свету доводит степень четкости, ясности изображения до оптимальной, видимой, объективной. Обратное направление – явное восстание против здравого смысла. Мы изучаем собственную темноту, насколько она вообще поддается изучению. Мы рассматриваем собственное исчезновение с любопытством, пусть и достойным лучшего

применения.

